

УДК 808.5, 811.124'06

ТОПОСЫ (ЛОЦИ ТОПИЦИ) В ИНТЕРПРЕТАЦИИ НИЖЕГОРОДСКОЙ РУКОПИСНОЙ РИТОРИКИ 1766 года НА ЛАТИНСКОМ ЯЗЫКЕ

© 2013 г.

А.Д. Курилова

Астраханский госуниверситет

akurilova@mail.ru

Поступила в редакцию 13.08.2012

Рассматриваются особенности интерпретации риторической топики в рукописном руководстве из Нижегородской семинарии, составленном в 1766 году на латинском языке. Анализ одного из разделов нижегородской рукописной риторики помогает лучше представить развитие риторического образования в России XVIII века, проследить, как осуществлялась адаптация классической риторической теории для конкретных педагогических целей.

Ключевые слова: риторика, рукопись, риторическое изобретение, топос.

Среди многочисленных риторических руководств, созданных в России в XVIII веке на латинском языке для применения в учебной практике в светских и духовных учебных заведениях, обращает на себя внимание курс лекций по риторике, прочитанных в Нижегородской семинарии в 1766 году, «*Rhetorica, sive manuductionum ad eloquentiam libellus*» («Риторика, или книга руководств в красноречии»).

Автор риторики неизвестен. Можно только утверждать, что в 1766 году он являлся преподавателем риторики в Нижегородской семинарии. Нежелание указывать авторство объясняется, в частности, позицией составителя риторики, сознательно подчеркнувшего в своём предисловии её вторичность: «*Oratorium vobis, charissimi adolescentes, officio libellum, in quo nihil esse vel novum vel meum publice liberis profiteor praeter id, quod superadditum insertumque praeseptis cuiusdam auctoris videbitis*» («Ораторскую книжку вам в помощь предлагаю, милейшие юноши, в которой, открыто заявляю, вы не увидите ничего нового, ничего моего, кроме добавленного и внесённого из предписаний какого-либо автора») (*Rhetorica, sive manuductionum ad eloquentiam libellus*. Курс лекций по риторике, читанных в Нижегородской семинарии. 1766 // РГБ. Ф. 312. № 78. 95 л. Л. 2). Такое заявление несколько не умаляло ценности руководства, а лишь должно было свидетельствовать о его традиционности и надёжности.

Своеобразие нижегородской риторики проявляется в её композиции. Она состоит из двух частей – практической и догматической. Практическая часть, содержащая довольно пёстрый риторический материал (здесь мы найдём сведения о видах и структуре периода, учение о тропах и фигурах, правила составления *хрии* и

дружеских писем), предшествует догматической части, выстроенной в соответствии с частями классического риторического канона (изобретение, расположение, словесное выражение, память и произнесение). Таким образом, по замыслу ритора, семинаристы вначале погружались в стихию практической риторики и только после обретения некоторого опыта приобщались к теории, систематизировали полученные знания.

Нижегородская риторика отличается лаконичностью, её объём – 95 листов (примерно в два раза меньше, чем объём других рукописных руководств этого времени). Очевидно стремление её составителя к предельной ясности, простоте и сжатости изложения правил риторики. Несмотря на декларируемое автором отсутствие оригинальности, заметное своеобразие руководства проявляется уже в самих принципах отбора и интерпретации классической риторической теории.

Рассмотрим эти принципы на примере трактовки риторической топики. Топосы (*loci topici*, как их называет нижегородский ритор) рассматриваются в руководстве в разделе, посвящённом риторическому изобретению. Согласно определению, приведённому составителем, изобретение является измышлением тем и аргументов, пригодных для цели речи («*excogitatio thematum et argumentorum quae ad scopum orationis idonea sunt*») [*Rhetorica...* Л. 27]. Поэтому в данном разделе сначала уделяется внимание правилам формулировки темы речи, классификации аргументов. Только после этого ритор переходит к проблеме источников изобретения.

Топосы понимаются как один из источников изобретения наряду с учением, опытом и общими местами (извлечениями). Этот источник признаётся важным прежде всего для начинающих ораторов: по мнению ритора, топосы

«exercitatis non sunt necessarii, tironi tamen haud raro inserviunt» («не являются необходимыми для опытных ораторов, но новичку нередко служат») (Rhetorica... Л. 31). Эта же мысль повторяется и в другом контексте, когда автор подчёркивает, что у опытного оратора аргументы для доказательства рождаются из самого предмета («ex ipsa re nascentur argumenta probantia»), а неопытные новички пока находят их в топосах («tironibus vero inexercitatis ea tantisper ex locis topicis inveniuntur») (Rhetorica... Л. 37).

Loci topici (топы) и loci communes (общие места) в интерпретации нижегородской риторики не являются синонимичными понятиями. Топосы воспринимаются прежде всего как элементы смысловой организации речи, общие места трактуются как выдержки из признанных авторов, афоризмы, пословицы.

В руководстве рассмотрены двенадцать топосов: notatio (значение), definitio (определение), genus et species (род и виды), totum et partes (целое и части), causa (причина), effectus (следствие), adjuncta (признаки), circumstantiae (обстоятельства), opposita (противоположное), comparata (сравнения), exempla (примеры), testimonia (свидетельства).

Notatio понимается прежде всего как этимология слова, что подкрепляется примерами (Athanasius significat immortalem, chrisanthus aureum florem (Афанасий значит «бессмертный», хризантема – «золотой цветок»)), но этот топос допускает также использование деривации (discipulus a discendo dicitur), синонимии (schola enim vocatur ludus), многозначности (aries significat ducem gregis, machinam bellicam et signum zodiaci) и даже анаграммы (laudatores adulatores) (Rhetorica... Л. 31 об.). Важность этого топоса подчёркивается наличием специального приложения, включающего сведения об этимологии распространённых русских имён.

Топос definitio имеет разнообразное применение. В основе определения может лежать понятие рода (Homo est animal rationale), целого и частей (Homo est compositus ex corpore organico et anima rationali), причины и цели (Homo est animal factum a Deo ad ejusdem Dei imaginem et similitudinem, ut ipsum laudet). С помощью уподобления Бог определяется как ignis edax (разрушительный огонь), а апостолы – как sol terrae et lux mundi (солнце земли и свет мира); следствие лежит в основе таких «чрезвычайно распространённых у ораторов» (по мнению нижегородского ритора) определений греха, как pestis animae, laser conscientiae, vitae pernicies (чума души, смола совести, пагуба жизни) (Rhetorica... Л. 31 об.).

Топосы genus et species, totum et partes не требуют пространных комментариев и поясняются на простых примерах: Virtus est genus. Species virtutis sunt temperantia, castitas, liberalitas, patientia (Добродетель есть род. Виды добродетели – умеренность, чистота, щедрость, терпение); Homo est totum, partes hominis essentialia anima et corpus integrales, caput, manus, pes etc. (Человек есть целое, существенные части человека – неразрывные душа и тело, голова, рука, нога и т.д.) (Rhetorica... Л. 32).

Рассуждая о топосе causa, составитель руководства предлагает следующую классификацию причин: efficiens (производящая), например: causa principalis peccati est diabolus (главная причина греха – дьявол); materialis (материальная), например: materia, ex qua panis, est farina et aqua (хлеб изготовлен из муки и воды); formalis (формальная, понимаемая как нечто формообразующее, отличающее данный предмет от других), например: causa formalis hominis est anima rationalis (разумная душа есть формальная причина человека) и finalis (целевая), например: finis primarius mercatoris Mosquam euntis est pecunia ibi accipienda, secundarius – motus corporis (главная цель торговца, идущего в Москву – получить там деньги, второстепенная – перемещение тела) (Rhetorica... Л. 32).

Effectus поясняется как нечто, порождаемое причиной, как gladius respectu fem, carmen respectu poeta (меч по отношению к кузнецу, стихотворение по отношению к поэту) (Rhetorica... Л. 32 об.).

Adjuncta (признаки), по мнению ритора, могут относиться и к лицам, и к вещам и обозначать самые разные свойства. Например, говоря о человеке, можно рассмотреть такие adjuncta, как эрудиция, невежество, красота, болезнь, богатство, бедность.

Обстоятельства (circumstantia) нижегородский ритор делит на исторические и моральные, имея в виду, что в первом случае речь идёт о каком-либо событии из прошлого, а во втором – о нравственной ситуации, которая могла сложиться в любое время. Примеры хорошо иллюстрируют суть этой классификации. Для пояснений исторических обстоятельств ритор выбирает битву Давида с Голиафом, приводя много предшествующих, сопутствующих и последующих событию обстоятельства, которые можно было бы использовать в речи. Моральные обстоятельства рассматриваются на примере ситуации из школьной жизни – некий Филипп громко разговаривал с Иоанном в храме во время проповеди: Quis? Philippus. Jam nuper aliquoties monitus. Quid? Garrivit. Ubi? In templo. Quibus auxiliis? Cum Johanne invito. Cur? Ut hunc impediret.

Quomodo? Clara voce. Quando? Cum contione (Кто? Филипп. Уже несколько раз предупреждённый. Что делал? Болтал. Где? В храме. С кем? С Иоанном против его воли. Зачем? Чтобы ему мешать. Как? Громким голосом. Когда? Во время проповеди) (Rhetorica... Л. 32 об.).

Топос *opposita* может проявляться как в отдельных словах, так и в выражениях (*in terminis vel in enuntiationibus*), например: *doctus – rudis*, *paux – bellum* (учёный – невежественный, мир – война); *juvenes incogitantia vitio laborant – senes rem accurate perpendunt* (Юноши страдают недостатком рассудительности – старики тщательно обдумывают дело) (Rhetorica... Л. 32 об.).

К топосу *comparata* ритор относит: *similia* (подобное), например: *Aurum igne fides calamitate probatur* (Золото проверяется огнём, а верность – бедой); *dissimilia* (различное), например: *Equi juniores praestant senioribus, non autem amici novi tum veteribus praefertuntur* (Молодые кони предпочтительнее старых, но новых друзей не предпочитают старым); *emblemata* (эмблемы), например: *Candela accensa cum epigrapho: aliis inserviando consumor* (Зажжённая свеча с надписью: служа другим, я сгораю) (Rhetorica... Л. 32 об.).

Exempla в нижегородской риторике делятся на примеры, указывающие на людей (Иов – пример терпения), предметы (Москва – пример хорошо устроенного государства) или действия (египетские казни – пример наказанной гордыни) (Rhetorica... Л. 33).

К топосу *testimonia* относятся разнообразные свидетельства – библейские изречения, законы, сентенции, поговорки, апофтегмы, примечательные высказывания и т. д.

После описания каждого топоса приводится пример последовательного использования сразу всех топосов в развитии темы: *Scholae publicae sunt conservandae* («публичные школы должны быть сохранены»).

Таким образом, в нижегородской риторике наглядно, хотя и в сжатой форме, продемонстрировано использование богатых возможностей топики для создания распространённой речи.

Краткость изложения этой важной риторической темы обосновывается составителем с помощью развёрнутого сравнения: «*haec ut brevissime potuerunt, dicta sunt, ut enim, si aurum cui quod esset defossum, commonstrare vellem satis esse deberet si signa notasque ostendere locorum, quibus cognitis, ille sibi ipse foderet, et id quod vellet, inveniret*» (об этом необходимо сказать как можно короче, как будто бы я хотел показать, где зарыто золото, и достаточно знаками показать место, чтобы желающий сам раскопал и нашёл, что захочет) (Rhetorica... Л. 33 об.).

Развивать навыки изобретения рекомендует не только с помощью топики. Следующее упражнение, по мнению нижегородского ритора, более всего способствует приобретению юношами способности к ораторскому изобретению: «*in lectione praestantissimorum oratorum commendandum imprimis juvenibus exercitium, ex toto sermonis corpore argumenta, quibus isti auctores sunt usi, investigandi, extrahendi, ac vult ornamentis ac indumentis suis denudata existendi*» («во время чтения самых выдающихся ораторов найти во всём тексте речи аргументы, которыми пользовались эти ораторы, и извлечь их, словно лишая речь украшений и одеяний») (Rhetorica... Л. 40). Также даётся совет пересказывать своими словами речи известных авторов, стараясь красноречиво передать смысл и сделать его ещё более ясным.

Курс лекций по риторике из Нижегородской семинарии является интересным примером адаптации и переосмысления классической риторической теории, позволяет лучше представить себе роль латинского языка в истории российского гуманитарного образования.

TOPICS (LOCI TOPICI) IN THE INTERPRETATION OF THE LATIN HAND-WRITTEN RHETORICAL BOOK (1766) FROM NIZHNI NOVGOROD

A.D. Kurilova

The article addresses some peculiarities of interpretation of rhetorical topics in the hand-written rhetorical book compiled in 1766 in the Nizhni Novgorod seminary. Our analysis of one section of this rhetorical book helps to better understand the development of rhetorical education in eighteenth-century Russia, to trace the adaptation of classical rhetorical theory to specific pedagogical aims.

Keywords: rhetoric, manuscript, rhetorical invention, topic.